

Кому не понравится такой маленький лис? Мягкий, пухленький, так и хочется потискать. Но если применить это к Бай Юэху, возможно, придётся добавить после слова «понравится» слово «съесть».

Сначала он был закуской на один укус, но под защитой Лу Цинцзю... После недолгих раздумий Бай Юэху решил его пощадить. Однако даже этому крошке, что мог бы поместиться у него между зубов, не позволено было ежедневно красть его еду.

Чтобы успокоить Бай Юэху, в субботу Лу Цинцзю вместе с Инь Сюнем и лисёнком отправились в город за ягнёнком. Инь Сюнь пришёл помочь с покупками, а лисёнок панически боялся оставаться с Бай Юэху наедине. Он забился в карман куртки Лу Цинцзю и наотрез отказывался вылезать - после недолгой борьбы Цинцзю пришлось взять его с собой.

С тех пор как Лу Цинцзю узнал истинную сущность своего пикапа, его чувства стали противоречивы. Первоначальный облик вызывал лёгкую неприязнь, но в форме пикапа он был чертовски мил. Особенно когда подмигивал оранжевыми фарами и порой подавал весёлый гудок. Пикап даже спасал Лу Цинцзю, хотя... о методах того спасения он думать не хотел.

Инь Сюнь по-прежнему не знал, на чём сидит, и лишь жаловался на зуд в спине. Лу Цинцзю подумал, но решил не раскрывать ему правду, ограничившись небрежными отговорками.

В городе они выбрали упитанного ягнёнка и попросили мясника после разделки отнести тушу к пикапу. Лу Цинцзю зашёл на рынок, прикупил специй для жарки, а также несколько цзиней картофеля, лука и прочих овощей для гарнира.

«Такой огромный ягнёнок - неужели Бай Юэху сможет съесть его в одного?»

Инь Сюнь знал о лисьем аппетите, но целый ягнёнок - это казалось невероятным.

«Кажется, сможет», — с необъяснимой уверенностью ответил Лу Цинцзю. С тех пор как Бай Юэху поселился у него, тот ни разу не сказал, что сыт, в лучшем случае - «почти». Что скрывалось за этим «почти», никто не знал. Желудок Бай Юэху напоминал бездонную пропасть.

«Подумал, что не стоит жарить так много, если не съедим - расточительно, — сказал Инь Сюнь. — Но ладно уж».

Целого ягнёнка нужно было съесть сразу - разогретым он был бы уже не так хорош.

Закупив всё необходимое, они вернулись к машине. Лисёнок носился по кабине пикапа, будто играя с кем-то невидимым. Инь Сюнь какое-то время смотрел в окно, а затем с испугом воскликнул: «С кем это он играет?» Казалось, малыш видел то, что было недоступно их взгляду.

У Лу Цинцзю были догадки, но он промолчал, лишь открыл дверь, подхватил лисёнка и уложил в карман. Легонько погладив по голове, он велел успокоиться. Лисёнок, понимавший слова, послушно свернулся клубком.

Спустя несколько часов они вернулись домой. Лу Цинцзю припарковал пикап, а Инь Сюнь помог разгрузить покупки. В этот раз они купили не только продукты, но и специальный уголь для жарки. Металлический мангал с вертелом Лу Цинцзю арендовал в городе – через несколько дней её нужно было вернуть. Самый традиционный способ – запечь ягнёнка в печи – им был недоступен из-за отсутствия нужных условий.

Лу Цинцзю направился на кухню готовить ягнёнка, позволив Инь Сюню занять лисёнка игрой.

После нескольких дней общения малыш почувствовал себя увереннее и уже не ходил за Лу Цинцзю по пятам, но, когда Бай Юэху был рядом, всё ещё не решался выйти во двор без сопровождения.

Перед жаркой ягнёнка нужно было замариновать. Подготовка только начиналась, значит, трапеза откладывалась часов до восьми-девяти вечера.

Кроме основного блюда, Лу Цинцзю приготовил несколько закусок. Стояла жара, а жареный ягнёнок – блюдо горячее и тяжёлое, поэтому он решил добавить чего-нибудь освежающего – например, битые огурцы с чесночным соусом.

Пока Лу Цинцзю был погружён в готовку, в кухню влетел Инь Сюнь: «Цинцзю, там гость».

Лу Цинцзю: «Гость?»

Инь Сюнь: «Незнакомый. Кажется, из родных мест Бай Юэху».

Лу Цинцзю резко замер. Кто-то из родных мест Бай Юэху? Разве гость оттуда не должен быть лисом? Пушистым лисом... Глаза Лу Цинцзю заблестели: «Где он?»

Инь Сюнь: «Во дворе. А ты чего так оживился?»

Лу Цинцзю: «Пойду посмотрю».

Он вытер руки и вышел во двор, присоединившись к веселью. Как и сказал Инь Сюнь, во дворе стоял незнакомец. Невероятно красивый мужчина с серьёзным, но словно соблазнительно-томным выражением лица. Особенно эти слегка печальные, очаровательные глаза со слегка опущенными уголками – они вызвали желание ни в чём ему не отказывать.

Но Бай Юэху, интересовавшийся лишь едой, остался неумолим. Под напором печальных взглядов красавца он всё так же лежал в кресле-качалке, даже не открывая глаз.

«Господин Бай, — голос мужчины звучал чистым и приятным, окрашенный оттенком мольбы, — умоляю вас, сэр, помогите мне. Если вы согласитесь, я готов на всё, что угодно».

Инь Сюнь высунулся из-за спины Лу Цинцзю, чтобы с жадным любопытством наблюдать за разворачивающейся сценой, и прошептал: «Эй, что тут происходит? Мужчина-то красивый. Цинцзю, не думаешь подойти? Похоже, лисица собралась соблазнить Бай Юэху».

Лу Цинцзю бросил на него взгляд, подумав про себя: «Бай Юэху и сам лис, разве станет он опасаться соблазнительниц?»

Незнакомец уже начал опускаться на колени, но Бай Юэху открыл глаза и пригвоздил его безмятежным, ледяным взглядом, заставив замереть на месте.

Бай Юэху: «Говори нормально. Не разыгрывай этот спектакль передо мной».

Мужчина опешил: «Что?»

Голос Бай Юэху слегка похолодел: «Повторить?»

Лу Цинцзю, прятаясь в стороне и наблюдавший за действием, увидел, как с лица незнакомца спала очаровательная улыбка, а в его осанке произошла едва уловимая перемена. Мужчина тяжело вздохнул и заговорил снова – и от его слов перехватило дыхание и у Инь Сюня, и у Лу Цинцзю. Гость произнёс: «Миста* Бай, я тут за делом, миста, сделаешь одолжение?» Этот грубоватый, мужественный шаньдунский акцент ударил по Лу Цинцзю, словно удар молнии. Инь Сюнь тоже пребывал в глубоком шоке, судорожно вцепившись в руку Лу Цинцзю и не желая её отпускать.

[Примечание беты: * искажённое акцентом «мистер»]

«Нет, — отрезал Бай Юэху. — Дом тесный, места нет».

Мужчина: «Мой малой робкий, дома его задирают. Если пообещаешь помочь... Ах, может...» Он придвинулся ближе к уху Бай Юэху и пробормотал несколько фраз пониженным голосом.

Бай Юэху лениво открыл полуприкрытые веки, скользнул по нему быстрым взглядом, но снова покачал головой.

Мужчина быстро огляделся, затем внезапно повернул голову и устремил взгляд в сторону Лу Цинцзю и Инь Сюня, выглядывавших из-за косяка. Пойманные на подслушивании, они слегка

смутились, но заставили себя сдержанно улыбнуться в ответ.

Незнакомец направился напрямиком к Лу Цинцзю и замер перед ним. На этот раз он говорил без какого-либо акцента: «Мистер Лу».

Названный прямо по имени, Лу Цинцзю ответил: «А, здравствуйте».

«Меня зовут Су Янь. — Мужчина улыбнулся. — Для меня большая честь наконец встретиться с вами».

Вблизи Лу Цинцзю разглядел крошечную родинку в форме слезинки у внешнего уголка его глаза. Она придавала лицу особую, трогательную ауру, располагающую к нежности... Если, конечно, он не говорил на том шаньдунском диалекте.

«Наконец-то? Вы меня знаете?» — отозвался Лу Цинцзю.

«Ах... — Су Янь, казалось, понял, что проговорился, и поспешил поправиться, снова улыбнувшись. — Мне доводилось слышать о вас от других».

Лу Цинцзю: «Понятно».

Пока Су Янь говорил, из кармана куртки Лу Цинцзю высунулась маленькая белая пушистая голова. Подобранный на обочине лисёнок отъелся, стал ещё пушистее, и после стрижки слегка смахивал на пуделя. Малыш несколько раз пискнул «джи-джи-джи» и повернул мордочку к Су Яню.

«Кто позволил тебе шляться где попало, даже вся шерстка ... — Су Янь, не подозревая, что виновник - Лу Цинцзю, решил, что лисёнка обидели. — Кто это сделал - скажешь потом, я с ними разберусь, когда вернусь».

Лу Цинцзю сдержанно кашлянул, чувствуя лёгкую неловкость.

Су Янь не заметил его дискомфорта. «Мистер Лу, я хотел бы попросить вас приютить у себя Су Си на некоторое время», — сказал он, беря из его рук лисёнка.

Лу Цинцзю: «О... А разве вы приехали не за тем, чтобы забрать его?»

Су Янь: «Я бы с радостью, но он пока не хочет возвращаться».

Лу Цинцзю удивился.

Су Янь горько усмехнулся и вкратце объяснил ситуацию. В присутствии непосвящённого Инь Сюня он говорил иносказательно, называя Су Си домашним питомцем. Выслушав, Лу Цинцзю понял: в семье Су Яня много детей, и Су Си – младший, с детства слабый и болезненный. Достигнув возраста превращения, он так и не смог принять человеческий облик. Духи же живут по закону джунглей. Даже братья и сёстры обижали Су Си. Пока все были лисятами, издевательства имели границы. Но теперь, когда прочие дети один за другим обрели человеческую форму, отношение к Су Си стало куда хуже.

Да, лисята стали людьми, но их детские сердца не ведали, насколько жестоки их поступки. В этот раз они выкинули беднягу Су Си в деревне Шуйфу – по слухам, там обитал монстр, пожирающий лис, и они надеялись, что Су Си выманит его.

«Теперь ясно, — кивнул Лу Цинцзю, — но Юэху согласен?»

«Это ваш дом, потому и ваше согласие – первое. — Су Янь был предельно честен. — Само собой, Су Си – дитя нашей семьи. Каждый месяц мы будем присылать средства на его содержание».

Видя, что Бай Юэху не возражает, Лу Цинцзю кивнул: «Хорошо». Он не стал спрашивать о сумме – много ли съест такой малыш.

Получив согласие, Су Янь тяжело вздохнул с облегчением: «Благодарю вас, господин Лу».

«Не стоит благодарности». — Лу Цинцзю было хотел пригласить Су Яня отужинать, но Бай Юэху явно был бы недоволен, поэтому он промолчал.

Передав Су Си Лу Цинцзю, Су Янь удалился. Лу Цинцзю вернулся в дом и продолжил готовить жареного ягненка. Лишь Инь Сюнь всё ещё не мог оправиться от шаньдунского акцента Су Яня. Он пришёл к выводу, что несоответствие между прекрасной внешностью и такой речью всегда будет создавать ощущение разлада между душой и телом.

Под вечер Бай Юэху и Инь Сюнь установили во дворе металлический мангал. Когда угли прогорели, Лу Цинцзю нанизал на вертел ягнёнка, замаринованного несколькими часами ранее.

Свежее мясо, пропитанное пряностями. Под жаром огня жир шипел и потрескивал, капая на угли и заставляя их вспыхивать искрами. Насыщенный, аппетитный аромат заполнил весь двор. Все домочадцы расположились вокруг, наблюдая, как Лу Цинцзю жарит мясо.

Сяо Хэй и Сяо Хуа смотрели жадными, нетерпеливыми глазами, время от времени сглатывая слюну. Лисёнок устроился на коленях у Инь Сюня, и его прекрасные голубые глаза не отрывались от ягненка. Позабывшись о них, Лу Цинцзю приготовил ещё и жареный рис, но все взгляды были прикованы к мясу – никто не шелохнулся. Лишь Бай Юэху, этот ненасытный едок, никогда не знавший забот о переедании, уже подносил ко рту миску с рисом.

Спустя два часа жарки Лу Цинцзю проверил готовность, затем водрузил ягнёнка на большое металлическое блюдо. Посыпав луком, тмином и хлопьями чили, он спросил: «Разрезать, или справитесь сами?»

Разрезать ножом – легко, но это нарушит текстуру. Отрывать руками – не так удобно, зато можно ощутить подлинный вкус мяса.

«Сами оторвём», — заявил Бай Юэху.

Лу Цинцзю: «Как скажете». Он отложил приборы, и все отправились мыть руки, чтобы приняться за трапезу.

Лу Цинцзю впервые готовил целого ягнёнка, но вышло превосходно. Корочка – хрустящая, золотистая, а мясо внутри – нежное, сочное, буквально тающее. Пропитанное маринадом, оно не имело и намёка на дичь. Все ели с безмятежным удовольствием.

Пока ел сам, Лу Цинцзю не забыл и о троих малышах. Лисёнок, Сяо Хэй и Сяо Хуа тоже получили свою долю. Он просто бросал крупные куски, а они уже делили их между собой.

В ягнёнке было килограмма три-четыре чистого мяса. Лу Цинцзю, будучи обычным человеком, быстро насытился. Вскоре отступил и Инь Сюнь. Бай Юэху остался единственным, кто продолжал методично уничтожать барашка, который таял на глазах. Лу Цинцзю украдкой посмотрел на его живот – плоский, как доска, без малейшего намёка на выпуклость.

Инь Сюнь, этот неугомонный парень, не убоился смерти и шепнул в сторону: «Желудок Бай Юэху... такой бесполезный».

Лу Цинцзю: «...» Он изо всех сил подавил смех.

Бай Юэху всегда ел много и быстро. Когда он наконец остановился, от ягнёнка остался лишь внушительный скелет, обглоданный дочиста. Лу Цинцзю выбрал большую кость и положил перед лисёнком – поточить зубки. Кость выглядела даже больше, чем сам малыш, но тот вцепился в неё с упорством, достойным лучшего применения, и принялся усердно грызть, с трудом сдвигая с места. Инь Сюнь, наблюдавший за этим, непочтительно и громко рассмеялся.

После ужина Инь Сюнь и Бай Юэху прибрали остатки, а Лу Цинцзю отправился во внутренний двор за виноградом. Гроздья поспевали одна за другой, переливаясь под луной полупрозрачными, чистыми ягодами, свисавшими с лоз, словно драгоценные камни. Лу Цинцзю уже пробовал – их домашний виноград был невероятно сладким, с едва уловимой благородной терпкостью, идеальным десертом.

Он сорвал несколько крупных кистей, сполоснул их и понёс во двор.

«Я, пожалуй, пойду, — сказал Инь Сюнь. — До завтра».

«До завтра, — ответил Лу Цинцзю и, помедлив, добавил: — Инь Сюнь, в следующем месяце, возможно, мне придётся ненадолго уехать».

Инь Сюнь: «В город?»

«Угу», — подтвердил Лу Цинцзю.

«Понял, — кивнул Инь Сюнь. — Надолго? Не волнуйся, с готовкой управлюсь».

Бай Юэху, возлежавший в своём кресле, бросил на него колкий взгляд, и Инь Сюнь поспешно опустил глаза.

«Дня на два-три». С таким количеством ртов дома Лу Цинцзю не смел отлучаться надолго. Он предупредил Инь Сюня, чтобы тот присмотрел за Бай Юэху. Ну, «присмотрел» - в худшем случае им придётся два дня питаться лапшой быстрого приготовления.

Инь Сюнь кивнул и ушёл.

Лу Цинцзю и Бай Юэху завершили ужин свежим виноградом и уже собирались отправиться спать, но когда Лу Цинцзю поднялся, Бай Юэху вдруг спросил: «Зачем ты возвращаешься?»

Лу Цинцзю замер: «У меня есть дела...»

Заметив нерешительность на его лице, Бай Юэху равнодушно произнес: «Не хочешь говорить - не надо».

Лу Цинцзю беспокойно коснулся пальцами губ. Голос его был тих, но слова обрушились в тишине, словно камень в гладь пруда: «Мне нужно вернуться. Прибраться на могилах родителей».

Бай Юэху: «Прибраться могилы?»

«Да, — лицо Лу Цинцзю было невозмутимо спокойно, — они погибли, когда я учился в университете».

Бай Юэху ненадолго замолчал: «Можешь рассказать, что произошло? Если не хочешь - ничего».

Лу Цинцзю вздохнул. Тогда эта трагедия сильно ранила его, потому он и не касался её

никогда. Но теперь, на вопрос Бай Юэху, в душе отозвалась лишь леденящая, почти безжизненная пустота. Он развернулся, вернулся и сел рядом: «Я был ещё студентом. Летние каникулы. Родители уехали в деревню навестить бабушку. В горах случился внезапный оползень. Их не нашли».

Бай Юэху молча слушал.

«Вместе с ними пропали ещё несколько сельчан. Спасатели так и не отыскали... тел, — голос Лу Цинцзю едва заметно дрогнул. — Через несколько лет не стало и бабушки. Я поставил родителям пустую могилу* в городе... А бабушка похоронена здесь, в деревне».

[В могиле - лишь их личные вещи.]

«Оползень... — переспросил Бай Юэху. — В каком месяце?»

«В августе, — сказал Лу Цинцзю. — Сезон дождей, такое случается. Но я не думал... что коснётся именно их». В словах его звенела горькая, выжженная годами горечь.

Бай Юэху тихо произнёс: «Прими мои соболезнования».

Иные вещи не требуют множества слов - всё равно они бессильны перед такой болью. Чужое сердце не измерит глубину твоей потери.

Лу Цинцзю был даже благодарен, что Бай Юэху не пытается его жалеть. В те дни он везде видел в глазах знакомых эту жалость - назойливую, удушливую.

«...Бедный мальчик, всего двадцать, а уже круглый сирота».

«Да, тяжёлая судьба. Говорят, из близких больше никого нет».

«Одна старушка-бабушка, да и та вскоре умерла. Сам похороны устраивал...»

От таких разговоров Лу Цинцзю цепенел. Сперва злился, потом остыл - и перестал что-либо объяснять. Возвращение в деревню, осознание, что даже праха родителей он не получит, вытянуло из него все силы. Повзрослеть пришлось мгновенно.

Тогда Инь Сюнь очень поддержал его - оттого они и стали так близки. Между ними воцарилось молчаливое понимание. После его возвращения друг ни разу не затронул тему, боясь растревожить незаживающую рану.

«Вот и всё, — Лу Цинцзю выдохнул. — Поэтому каждый август я навещаю их могилы. Туда-

обратно - день-два, не больше».

Бай Юэху: «Собираешься ехать один?»

Обычно долгая дорога выматывает водителя, но их семья - особый случай. Если Лу Цинцзю захочет уехать, пикап сам изменит форму - управлять им не потребуется.

«На машине? Нет», — ответил Лу Цинцзю.

«Пусть пикап отвезёт, — Бай Юэху был непреклонен. — Быстрее и удобнее поезда».

Лу Цинцзю: «Но...»

Бай Юэху: «Уезжай быстрее, возвращайся быстрее».

Лу Цинцзю: «...» Верно. Если он задержится на несколько дней, что ждёт его по возвращении? Инь Сюнь - настоящее бедствие, его стряпня ядовита. Бай Юэху, как лисий дух, не умрёт с голоду. Но в доме есть и другие - особенно лисёнок с ладонь величиной. Как он потом будет объясняться с лисьей семьей, если их ребенка отравят?

«Ладно. Пойду спать, — сказал Лу Цинцзю. — Спокойной ночи».

«Спокойной ночи», — ответил Бай Юэху.

Ночью Лу Цинцзю спал непривычно крепко, без сновидений. Проснулся лишь под утро.

Возможно, от вчерашней баранины, но, едва открыв глаза, он почувствовал щекотание в носу. Потерев его, увидел на пальцах алые капли.

«Эх!» — зажав нос, он рванул во двор. Сполоснув руки, нашёл бумажные салфетки и заткнул ноздри.

Когда пришёл Инь Сюнь, они одновременно замерли, уставившись на одинаково жалкие фигуры друг друга с торчащими из ноздрей белыми хвостиками.

«Тоже кровь из носа?» — прозвучал гнусавый голос Инь Сюня.

Лу Цинцзю: «Ага».

«Наверное, баранины переели. — Инь Сюнь многозначительно поднял бровь. — То, что мы ели,

точно было бараниной?»

Лу Цинцзю: «...К чему ты клонишь?»

«Да ни к чему, просто спросил, — Инь Сюнь шмыгнул и сменил тему. — Что на обед?»

«А что хочется? — Лу Цинцзю на секунду задумался. — Кстати, в тот день, когда ловили рыбу ... Ты ходил с Бай Юэху?»

«Нет, — ответил Инь Сюнь. — Встретил его, когда он уже возвращался с уловом. Помог донести».

«Понятно», — кивнул Лу Цинцзю. Он посмотрел в спокойное лицо лучшего друга и не стал расспрашивать дальше.

<http://bllate.org/book/15722/1506616>